

Большое спасибо, Алексей Валерьевич!

Прочел с огромным интересом Вашу вдохновляющую статью. Вдохновляющую видеть автора и его слушателей. Удивительно, как это Вы сами увидели!

Я тоже убежден, что перед князем и дружиной постоянно что-то пелось, т. е. была традиционная живая творческая “устность”. Как и в других принявших христианство странах, лет через двести после крещения и у нас начала происходить встреча “устности” и “письменности”. Но у нас эта встреча по-настоящему так и не состоялась — из-за разгрома и раздела страны в XIII в. Вот “Слово” и осталось практически единственным “стыком” двух сфер, или полей, словесного творчества.

От души желаю Вам столь же вдохновенного продолжения работы.

С глубоким уважением Ваш Гелиан Михайлович Прохоров*.

АЛЕКСЕЙ АРТЕМЬЕВ

СЛОВО О “СЛОВЕ”

“Слово о полку Игореве”. Какая удивительная судьба! Подобно таинственному морскому животному, всплывало оно из темных глубин истории, приводило в изумление свидетелей и опять уходило в небытие.

В 80-е годы XII столетия оно было создано в Киеве при загадочных обстоятельствах и затем исчезло на двести лет. В 80-е годы XIV столетия всплыло в Северо-Восточной Руси, как в зеркале, отразилось в “Задонщине” и снова погрузилось во тьму на четыреста лет. В 80-е годы XVIII столетия вновь появилось, уже в совершенно иной культурной среде, в Москве, успело пройти через типографию, было издано тысячным тиражом и вскоре окончательно, таинственно и бесследно исчезло. Навсегда ли?!

Но и после своего издания в 1800 году судьба его выглядела странной. Дерзну сказать, что за эти два последних столетия “Слово о полку Игореве” так и не стало желанным, понятным чтением народа, на языке которого оно написано. Поэты сочиняют стихи и поэмы, композиторы создают оперы, художники пишут живописные полотна. Переводят, переиздают, иллюстрируют, штурмуют многочисленными научными исследованиями, однако смею утверждать, что истинного содержания поэмы, то есть того, о чем она написана, так до сих пор никто и не понял. На первый взгляд, такое утверждение может показаться странным и даже спорным. Дело в том, что поэма состоит по меньшей мере из двух планов. Первый достаточно ясен — это повествование

---

* Прохоров Г. М. — доктор филологических наук, профессор, крупнейший специалист по древнерусской и византийской литературам, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

о самом походе Игоря. Но другие планы темны и загадочны. В них отразились события, происходившие тогда во всей политической жизни Руси. И здесь уже нужен не читатель, а следователь. Вот попытку такого расследования мы и предлагаем в помощь читателю.

1. Рукопись. Текст

Принимая во внимание известную эзотерическую закрытость текста поэмы, а также острое содержание, относящееся исключительно к жизни политической элиты, невольно приходишь к убеждению, что и тогда, сразу после своего создания, поэма вряд ли могла стать хоть сколько-нибудь популярной. Если сегодня мы вынуждены признать, что многие поколения профессиональных ученых, оснащенные огромными историческими и филологическими знаниями, за два столетия так и не смогли прийти к согласию и ясности в понимании поэмы, то о каком ее всеобщем понимании могла идти речь тогда, в XII веке? Поэма была создана в замкнутой среде придворной знати, которая, вместе с автором поэмы, пребывала – скажем так – в едином информационно-политическом поле. Эта среда представляла собой некую военно-политическую касту. Политическая конъюнктура в те времена быстро менялась, и поэма в скором времени, утратив свою актуальность, так двести лет и пролежала где-то в единственном экземпляре. Кому и зачем надо было переписывать этот малопонятный текст, да еще в тяжелые времена ордынского ига?

Но вот на исходе XIV века рукопись, как “Наутилус”, всплыла вдруг в качестве исторического и литературного материала для написания “Задонщины”. При этом совершенно очевидно, что автор “Задонщины”, взявшийся воспеть победу русского войска на Куликовом поле, не имел ни малейшего представления ни о событиях на Каяле, ни о других реалиях, описанных в “Слове”, не мог оценить подлинных художественных достоинств древней поэмы. Однако начитанный в священных текстах средневековый книжник сразу почувствовал промыслительность находки. Найденный текст удивительным образом был созвучен только что совершившимся событиям – тоже русичи, тоже пошли на Дон воевать с “погаными”, но тогда потерпели поражение, а сегодня – победа! Автор “Задонщины” трактует это как единую цепь событий, которая началась поражением, а закончилась победой... Возможно, именно автор “Задонщины” и переписал ставшую ветхой за двести лет рукопись на свежие листы, а старую (скорее всего, это был автограф), как и полагалось, уничтожил. Разумеется, переписывая он все это аккуратно, буква в букву, без малейших корректур, так как абсолютно не понимал подлинного содержания поэмы. То, что у автора “Задонщины” был именно тот самый текст “Слова”, который дошел до нас, позволяет утверждать то, что во всех многочисленных цитатах и аллюзиях, заимствованных из “Слова”, нет ни малейших расхождений с единственным текстом, дошедшим до нашей эпохи, нет ни одного незнакомого слова, которое позволило бы заподозрить, что автор “Задонщины” пользовался какой-либо другой рукописью древней поэмы.

Скорее всего, именно этот список конца XIV века в XVIII веке и попал к А. И. Мусину-Пушкину, был тщательно, но тоже со смутным пониманием, воспроизведен в издании 1800 года, а еще через двенадцать лет был окончательно утрачен.

И, наконец, если принять во внимание, что дошедший до нас текст сохранил в себе малейшие и при этом проходящие через всю поэму единые художественные особенности, то есть все основания предположить, что по крайней мере, сознательно поэма не подвергалась никаким чуждым внедрениям, и ее текст дошел до нас в уникальной первозданности.

2. Автор

Вот уже более двух столетий исследователи бьются над поисками имени автора “Слова о полку Игореве”. За двести лет возникло множество различных версий. Однако более существенно и, конечно же, более плодотворно попытаться услышать живой голос автора в самом тексте и наметить очертания его личности.

Прежде всего, совершенно очевидно, что автор был причастен к упомянутой военно-политической касте, которую он называет “братья”. Затем все

исследователи единодушно признают его исключительный поэтический талант и образованность. Но, кроме того, его личности были присущи качества, которые с трудом укладываются в наши представления о средневековом человеке. Из текста видно, что он обладал остроумием, юмором, иронией, развитым интеллектом, артистизмом и виртуозностью, поэтической изобретательностью, пользовался богатым спектром профессиональных поэтических приемов. Все перечисленные качества рисуют портрет, более всего похожий на профессионального поэта-импровизатора.

Этот факт крайне важен для понимания “Слова”.

3. Придворная поэзия

Но если был профессионал, значит, была и профессия, значит, был соответствующий культурный пласт. “Слово” — это не какое-то одиночное, кем-то случайно созданное произведение, а одна из многих, постоянно звучавших на княжеских собраниях песен аристократически развитой воинской, придворной поэзии, профессиональной, но при этом по-архаичному, по-средневековому устной. На подобных собраниях звучали исполнявшиеся, возможно, под гусли, старые песни — “старые словеса”, которые певцы “помнили”, а также и вновь создаваемые поэтические импровизации на темы “былин — событий — сего времени”, которые песнотворцы “творили”, слагали прямо перед слушателями.

Уникальность “Слова” состоит лишь в том, что эта блестящая импровизация, в силу каких-то обстоятельств, оказалась записанной.

4. Как было записано “Слово”

В дошедшем до нас тексте знаменитой поэмы с исключительной наглядностью просматривается, как “Слово” сначала было устно, импровизированно произнесено, пропето, а потом записано. О причинах, побудивших записать устный текст, мы еще будем говорить, а пока задумаемся, как это могло тогда происходить.

Прежде всего, несомненно, что такой изысканный и замысловатый текст мог записать только сам автор. Но, как обнаруживается, автор плохо владел чисто литературной, книжной формой. Обладая профессиональной памятью, он пытается записать все сказанное буквально так, как оно прозвучало, то есть обращаясь к “братьям” с той же разговорной свободой и непосредственностью, с которой он привык вести речь в своем устно-поэтическом жанре перед живыми, хорошо знакомыми ему слушателями. Обращаться же к некоему виртуальному, неведомому читателю он явно не привык, не умеет, не представляет себе, каким образом живой разговор, понятный слушателям, можно превратить в литературно-рукописный текст, понятный читателю. Но, тем не менее, произнесенный текст решено записать, и письменная форма заставляет автора преодолевать серьезные трудности. Что-то ложится на бумагу сравнительно легко и просто, что-то требует литературных усилий, а что-то так и повисает в воздухе и потом будет вызывать у читателей недоумение. Но автор не контролирует свой текст глазами читателя.

Текст, дошедший до нас, родился в два этапа. Сначала устно, а потом еще раз, как бы заново — письменно. Эти два противоречивых творческих акта, наложившиеся один на другой, и создали в тексте поэмы ту самую трепетно-химерическую форму, которая вызывает у нас одновременно и восхищение, и недоумение, не укладываясь в наши понятия о литературной форме, о привычных литературных жанрах.

5. Ключ к прочтению

Все перечисленные особенности поэмы, с одной стороны, казалось бы, непреодолимо затрудняют чтение ее текста, но, с другой — могут дать своеобразный ключ, помочь обнаружить в ней удивительные, неожиданные, говоря по-современному, скрытые за кадром реалии давно ушедшей жизни, выявить неизвестные доселе явления культуры.

6. Двухвековые неудачи “переводчиков” “Слова”

Наверное, ни одно произведение древнерусской литературы не имеет такого количества переводов, причем, что замечательно, — с русского на русский. Можно, конечно, объяснять этот факт привлекающими переводчиков художественными красотами поэмы. Однако основная причина кроется в другом. Просто ни один перевод не достигает своей главной цели — не делает произведение понятным. За перевод “Слова” брались крупнейшие русские ученые и поэты, которых не упрекнешь в отсутствии вкуса или мастерства, однако необходимого результата и они не добивались. В чем же причина этих неудач? Сблудн взяться за перевод “Слова” — это своеобразная литературная ловушка. Перевод поэмы в свое время уже был сделан самим автором. Он перевел свой гениальный устный текст на сравнительно неумелый письменный. И вот уже более двух столетий переводчики нового времени, на полном серьезе, силятся сделать вразумительным этот от рождения литературно невразумительный текст.

Чтобы “Слово” по-настоящему начало раскрываться, надо попытаться реконструировать именно картину рождения поэмы. Задача, разумеется, тоже не из легких, но, по крайней мере, работа обретает реальную цель, становится по-настоящему плодотворной и, к тому же, захватывающе интересной.

Так давайте же попытаемся!

7. Рождение поэмы

Прежде всего надо осознать, где происходит реальное действие поэмы. Да, в ней необыкновенно ярко описан поход Игоря в половецкую степь, однако некое закадровое пространство, в котором фактически совершается рождение поэмы, — это отнюдь не половецкое поле, а княжеская гридница, куда собирается княжеская знать, “братья”, к которым автор в своей поэме постоянно обращается. Подобные собрания сопровождаются трапезой и прочими увеселениями. Туда традиционно приглашаются и придворные певцы. Певцы-песнотворцы должны быть не просто поэтами, но еще и некими ходоками, хоббщиками, ходынами по Русской земле, а может быть, и за ее пределы, должны все видеть, слышать, запоминать, осмысливать, а затем красочно и правдиво рассказывать об этом на княжеских пирах. Если же на собрании присутствуют хотя бы два певца, то между ними может возникнуть состязание, подобное описанному И. С. Тургеневым в рассказе “Певцы”. На таких собраниях обсуждаются главные события дня — “былины сего времени”.

На данном собрании прошел слух о поражении Новгород-Северского князя, которое он потерпел от половцев при попытке втайне от других князей выйти в степь и захватить легкую добычу. Войско погибло. Князя оказались в плену.

И вот пирующая братия предоставляет слово певцам. Первым начинает некий Боян — скорее всего, уже немолодой певец, прославленный и любимый в княжеской среде. Он начинает с исполнения любимых “братьями” старых песен о подвигах их предков, старых князей. Затем Боян, видимо, не владея достоверной информацией о последних событиях, а лишь манипулируя заученными штампами, что-то поет и об Игоре походе. И заканчивает свою песнь “рокотанием славы” в адрес присутствующих “братьев”. Судя по всему, собравшиеся были вполне довольны его началом. Оно было им “лепо”, любо, лестно.

Рассказы же о бедах в соседних княжествах их, видимо, меньше волновали.

На том же собрании присутствует и другой певец. Скажу сразу, имя его, или прозвище, — Ходына. Дальше мы убедимся в этом со всей очевидностью, а пока будем следить за ходом собрания.

После Бояна настает очередь Ходыны. Для оживления сценария можно даже представить себе, что он, подобно тургеневскому Якову, бледен и долго молчит, закрыв лицо руками. Он не придворный краснбай, он поэт другого склада, другого масштаба. Однако Ходына понимает, что собравшейся братии нравятся льстиво-развлекательные речи Бояна, нравятся его “замышления”. И он обращается к “братьям” с тонкой иронией: “Не лепо ли (не ладно ли) нам было, братья, начать словами старых ратных повестей (речь) о по-

ходе Игоря (и подчеркивает) Игоря Святославича”. Таким образом, Ходына, слегка иронизируя, указывает “братьям” на нелепость того, что Боян начал речь о событиях “сего времени”, о походе Игоря Святославича, “старыми словами”. Именно “начал”, то есть пропел первым.

Вот, кстати, прямо-таки умильный пример литературного инфантилизма поэта-импровизатора Ходыны. С этого своеобразного редакторского курьеза сразу и начинается дошедший до нас письменный текст поэмы. Автор записывает, разумеется, только то, что произнес перед слушателями сам. Он начинает с обращения к неким “братьям” – слушателям, иронизируя по поводу каких-то, только что происшедших событий, абсолютно не думая о читателе, который там не присутствовал и знать об этих событиях никак не может. Более того, на свое обращение к “братьям” автор сам же довольно подробно отвечает. А читатель так и остается в неведении, о чем же идет речь, кто такой этот Боян, личность которого автор почему-то так подробно обсуждает с “братьями”? В конечном счете читатель оказывается введенным в заблуждение: если Боян пел о “Старом Ярославе, Храбром Мстиславе...”, значит, речь идет о каком-то певце, якобы жившем в то “старое время”, задолго до Игорева похода. Хотя можно ли себе представить, что в конце XII века на княжеских пирах не пели старых песен “о Старом Ярославе, о Храбром Мстиславе...” и т. д.

Как литературный редактор Ходына по-детски наивен, однако в своей профессии поэта-импровизатора он мастер высочайшего класса. Чтобы утвердиться в своем поэтическом намерении, ему нужен возбуждающий его идейный противник, и вот он перед ним, он уже пропел свою песнь. Теперь надо раскрыть его творческое лицо перед “братьями”. И Ходына с блеском, которому может позавидовать любой современный интеллигент, анализирует певческую манеру соперника. Он делит его песнотворчество на три проявления. Первое – мыслительно-сочинительское, второе – исполнительское и третье, скажем так, – конъюнктурное.

Первое, мыслительно-сочинительское – “замышления Бояна” Ходына сразу отрицает и характеризует его в иносказательных выражениях и образах, о которых современные ученые написали множество исследований. Блистая эрудицией, они вкладывают во все эти образы непременно какой-то магически-символический смысл, глубокомысленно связывая их с мировой мифологией и эпосом, хотя “Слово” не имеет ни малейшего отношения ни к мифологии, ни к эпосу. Но вот если эти выражения применить, например, к самим этим ученым мужам и сказать, что они, подобно вещицу Бояну, “растекаются и скачут мыслию по древу”, “рыщут серым волком по земле через поля на горы”, высокопарно “летают умом под облаками” и, наконец, “щечочут соловьем”, то все встанет на свои места, и никаких сомнений в привычном, разговорном значении этих выражений не останется. Именно в таком значении их употребил и острый на язык, ироничный Ходына.

О втором проявлении Боянова песнотворчества, исполнительском, Ходына говорит в несколько ином тоне. Видимо, этим Боян и был славен – он “помнил” много старых песен о славных старых временах и самозабвенно их исполнял, чем и заслужил признание “братьев”. Однако Ходыну просто исполнение старых, кем-то прежде сочиненных песен не вдохновляет, он мыслитель, для него важно раскрыть внутренний смысл событий, как современных, так и прошлых, связать их в единый исторический процесс. Он явно иронизирует над умственной ограниченностью Бояна, над неуверенностью его мысли, которой Боян “растекается”, но при этом пытается компенсировать свою слабость пальцами-соколами, которыми он уверенно “дотекает” до струны-лебеди, подменяя трудное мыслительное творчество – “замышления” – более легкомысленно-развлекательным исполнительством уже известных старых песен.

Еще А. С. Пушкин с удивлением заподозрил во всем этом “иронию, пробивающуюся сквозь пышную хвалу”. Может быть, эта “пышность” к тому же еще является пародией на высокопарный стиль самого Бояна?

И наконец, третья часть репертуара “вещего Бояна”. Ходына развивает свой иронический пафос, сквозящий через “пышную хвалу”: “то не десять соколов на стадо лебедей... то Боян свои вещи персты на живые струны воскладал”. “Живые струны” – это обращение к живым князьям и боярам. Тут уж

до живых-то струн угодливому Бояну своими “вещими перстами” и “дотекать” не надо — “они же сами князьям славу рокотали”.

Вот в таком изысканно-ироническом стиле Ходына дает характеристику своему сопернику и коллеге, придворному краснобаю Бояну и приступает к собственному повествованию: “Почнем же, братья, повесть сию...” Но вот еще одна неожиданность: Ходыне будто не понравилось собственное начало. Может быть, попросту говоря, не завелся с первого раза, а может, так и было задумано. Но, так или иначе, в скором времени он пытается начать поэму заново, а для этого ему вновь требуется Боян, видимо, в качестве некоего поэтического детонатора. На сей раз Ходына обращается уже не к “братьям”, а к самому Бояну: “О, Боян, соловей старого времени, когда бы эти ты полки ущекотал...” Ходына практически повторяет все аргументы первой тирады, но уже без скрытой иронии, а с открытой насмешкой. Если там струны Бояна, как никак, все-таки “рокотали”, то теперь этот “соловей” “скачет мыслию” и “щекочет”, да еще “рицет в тропу Троянову через поля на горы” — через пень-колоду, через пятое на десятое и т. д.

Детонатор сработал — поэт взлетает на мощную энергетическую волну.

Как стрелы, пущенные с натянутого лука, срываются короткие громоподобные строфы:

*Комони ржут за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят стяги в Путивле.*

Ни одному средневековому книжнику не пришло бы в голову придумать нечто подобное и применить как осознанный литературный прием, то есть сочинить в уме соответствующий сценарий, а потом вот так, нарочито стенографически, его записать. Такое могло осуществиться только неосознанно, само собой, как литературно-наивная попытка записать живую устную импровизацию.

Зато сегодня мы имеем совершенно уникальную, беспрецедентную в мировой литературе возможность — через восемьсот с лишним лет, каким-то чудом, оказаться в княжеской гриднице и наблюдать волнующий момент рождения поэтического вдохновения, рождения гениальной поэмы.

И вот наконец: “Игорь ждет милого брата Всеволода...” Действие поэмы из княжеской гридницы переносится на необозримые просторы русских княжеств и половецкого поля. Однако автор время от времени вдруг опять обращается к “братьям”, и мы невольно вспоминаем, что эту песнь он “творит” перед слушателями, что они тут постоянно присутствуют.

8. Финал

Надеюсь, мы уже убедились в блестящем поэтическом мастерстве, уме и профессионализме автора на примере его полемики с Бояном в начале поэмы, поэтому мы вправе ожидать, что и завершение этой полемики в конце прозвучит с такой же осмысленной ясностью. По всем законам здравого смысла в финале поэт непременно должен вернуться к изначальной теме, подвести итог. Вот с такими ожиданиями и взглянемся в этот небольшой, но трудно читаемый текст:

*Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля пестворца,
Стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти.*

В тексте присутствуют пять имен собственных. Четыре из них — кроме Ходыны — принадлежат ключевым персонажам поэмы — Боян, Святослав Киевский, Старый Ярослав, Олег “Гориславич”. Кто же такой этот Ходына, имя которого стоит в паре с Бояном, но прозвучало в поэме впервые? Неужели это какой-то персонаж, который в поэме никак не участвовал и вдруг появился в финальной фразе, причем в одном ряду с ключевыми фигурами поэмы? Если это так, то это абсолютная бессмыслица, что, как мы убедились, не свойственно высокому умственному уровню нашего поэта. Остается только

один ответ: поэт поставил свою подпись в конце поэмы*. Он заявил, что оба они, вместе с Бояном, Святославовы песнотворцы (двойственное число), то есть находятся на службе у Киевского князя. Оба пропели и о “старом времени” — Боян о времени Старого Ярослава, а Ходына об Олеговом старом времени. О старом времени “...коганя хоти” — буквально о князем хотении, о княжьей любви. Ходына замыкает смысловое кольцо поэмы. Вспомним начало: “Не лепо ли нам было, братья, начата старыми словесы...” Вот важная мысль всей поэмы: старое время было не только “лепо” и славно, поэт показывает “братьям”, что современные княжеские крамолы, междоусобицы и нестроения в Русской земле берут свое начало тоже в старом времени, во времени Олега “Гориславича”, когда слава Русской земли стала “горькой”, когда “в княжьих крамолах век людской сократился”.

Вот такой в высшей степени лапидарной концовкой завершает Ходына идейно-политическую линию своей поэмы, а затем сообщает о возвращении Игоря из плена и поет ему традиционную славу.

9. “Слышал звон...”

У нас осталось еще одно упоминание имени Бояна в середине поэмы. Мы увидим, как опытный боец Ходына наносит виртуозные удары своему противнику, но, к сожалению, их полный смысл остается для нас закрытым.

Заканчивая рассказ о старом князе Всеславе, который княжил в XI веке и был одержим какой-то безумной страстью передвижения из одного княжества в другое — “Из Киева дорыскивал до Кир-Тмутороканя, Великому Хорсу волком путь прерыскивал”, Ходына произносит некий замысловатый пассаж: “Потому, — продолжает он, — в Полоцке звонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он (Всеслав) в Киеве звон слышал”. То есть, будучи Полоцким князем, Всеслав уже спозаранку почему-то оказывался в Киеве. И сразу же, вслед за этим, Ходына проводит какую-то неожиданную параллель между Всеславом и Бояном: “Потому и вещей Боян...”, причем параллель очевидная — оба “вещи”, оба “рыщут волком по земле” и оба, видимо, по этой причине, “потому” “слышат звон не там, где он”. Только Полоцкий князь Всеслав слышал звон “к ранней заутрене” в Киеве, а Боян, “смысленный” (как это он, вдруг стал “смысленным”?) “потому” же “припевку рече”. Припевку, разумеется, можно было понять только в контексте всей песни Бояна, но читатель-то этой песни не слышал. Остается лишь догадываться, что в связи с этой “припевкой” Боян продемонстрировал свою позорную неосведомленность о каких-то событиях, то есть “слышал звон, да не там, где он”. Можно предположить, что Боян, говоря в этой “припевке” о “неминуемости Божьего суда”, вынес мрачный приговор Игорю, и Ходына, в ответ на это, тут же начинает рассказ о победе Игоря из плена и о благополучном его возвращении домой.

10. В княжеской гряднице

Мы рассмотрели главную, основополагающую тему “Слова о полку Игореве — политическую полемику автора поэмы со слушателями и связанную с ней поэтическую со своим коллегой и соперником, певцом Бояном. Дух этой полемики незримо пронизывает всю ткань поэмы, наполняет ее высоким патриотическим пафосом, вызывает у читателя скрытое ощущение присутствия где-то в закадровом пространстве поэмы аудитории слушателей, создает эффект и нашего присутствия в этой аудитории, нашего участия в этой живой, феноменально стенографически записанной полемике, которая, надо полагать, действительно прозвучала однажды, в конце XII века, в Киеве, на очередном собрании придворной знати.

---

* Обратим внимание — имена обоих певцов, Бояна и Ходыны, появляются в тексте поэмы совершенно аналогично — ниоткуда. Вернее, из закадрового пространства слушателей. Но если слушатели — это некие призрачные участники реального нерасчлененного действия, то читатель обречен быть наблюдателем лишь отрезка этого действия, обрубленного началом и концом письменного текста.

11. Снова о рукописи

Мы вплотную подошли к вопросу, который неизбежно вытекает из очевидного факта: поэма была записана, иначе сегодня мы бы даже и не подозревали о существовании той жизни, которая в ней отразилась. Это записывание, судя по всему, не было привычным занятием поэта-импровизатора, значит, были какие-то внешние обстоятельства, которые заставили поэта выполнить этот непривычный для него труд. Кроме того, так ли уж стенографически все было записано? Не появилось ли в рукописи что-то такое, что не могло прозвучать перед слушателями?

Мы видим, что сам поход Игоря описан в поэме очень последовательно, ясно, цельно: выход в степь, зловещие предзнаменования, утром – легкая победа и добыча, ночевка в степи, затем окружение половцами, трехдневная жестокая битва, поражение и пленение. Затем бегство из плена, уход от погони, возвращение домой. Повествование о походе Игоря прерывается двумя, тоже повествовательными, историческими отступлениями о “старых временах” – о времени Олега Святославича (“Гориславича”) и Всеслава Полоцкого. Эти отступления, так же как и рассказ о походе, явно были обращены к публике, к слушателям, к “братьям”.

Но вот в середину повествования буквально врезается довольно большой текст, занимающий значительную часть всей поэмы, – это персональные обращения к конкретным князьям с призывом встать на защиту Русской земли. Большинство из них звучат как некие императивы, так что остается даже не совсем ясно, от чьего имени они произносятся. Трудно себе представить, чтобы столь конкретные обращения к столь конкретным княжеским персонам прозвучали бы перед аудиторией без расчета на какие-то ответные действия этих персон. Но тогда они должны были или присутствовать среди слушателей, или эти обращения появились только в рукописи.

Но в композиции поэмы есть еще одна серьезная странность. Перед обращениями к князьям мы читаем довольно длинную прямую речь. Это рассказ Киевского князя Святослава своим боярам о своем “мутном сне”, в котором князь видит собственные похороны, затем бояре что-то говорят по этому поводу и, наконец, Святослав “изронил” “золотое слово со слезами смешано”.

Невольно встают следующие вопросы. Первый. Какую роль в идейном замысле поэмы играет этот довольно пространственный репортаж о некой преступной беседе князя Святослава со своими боярами, о беседе, на которой поэт будто присутствовал и теперь он, будто дословно, от лица Святослава и бояр воспроизводит речи, на этой беседе прозвучавшие? Второй. Являются ли все эти речи исторически достоверными? И, наконец, третий. Кто должен был стать слушателем (или только читателем) этого репортажа?

Вряд ли самого Святослава так уж должны были привлекать якобы свои же рассказы о собственных мрачных снах и его старческие, слезливые слова по поводу своей же немощи! Больше похоже на то, что где-то за кадром находится какое-то лицо или группа лиц, которым вся эта информация и была предназначена. В репортаже раскрывается политическая обстановка при киевском княжеском дворе. Святослав видит во сне собственные похороны – предвестие скорой кончины. Бояре пытаются утешить старого князя: дескать, это “оттого, что два сокола слетели с отчего злата стола...”, напоминают ему о поражении и пленении Игоря, но заканчивают свое “утешение” жалобой на собственную невеселую жизнь. И “тогда” Святослав произносит свое слово, хотя по-княжески “золотое”, но полное старческих слез. Он тоже сетует на своих непокорных племянников – “сыновча” Игоря и Всеволода, а еще и на своего брата, Черниговского князя Ярослава, пытается подбодрить самого себя, дескать, я еще сокол, “не диво и старому помолодиться”. Однако заканчивает совсем безысходно: “да вот зло – князья мне не в помощь, на ниче ся години обратиша”, то есть Святослав признается, что князья ему больше не подчиняются, и времена обратились в ничто, в никчемные, в ничьи.

А затем тут же, после короткого сообщения о бедственном положении Переяславского князя Владимира Глебовича, автор обращается к Великому князю Владимиро-Суздальскому Всеволоду и о чем-то его как-то прикровенно просит. То, о чём просит автор молодого тридцатилетнего Великого князя, вряд ли вообще тогда могло прозвучать громко и открыто. Вот о чём автор

просит Всеволода: "... Не мыслию (значит, "мысль" такая известна) перелететь издалече (то есть из Владимира) отчего злата стола поблюсти" ("отчий злат стол" — разумеется, Киев). Затем автор восторженно говорит о бесчисленном войске Всеволода, которое может и "Волгу веслами раскропить и Дон шеломами вылить" (вычерпать). И, наконец, автор самозабвенно восклицает: "Когда же бы ты был (здесь, в Киеве, на "отчем златом столе"), то была бы чага по наготe, а кощей по резани". Вожделенная мечта киевского аристократа — дешевые рабы на киевских рынках. И заканчивает: "Ты ведь можешь посуху живыми шерширами удалыми стрелять сынами Глебовыми". Не будем докапываться до полной ясности этой метафоры, очевидно одно: если Святославу "князя не в помощь", то могущественный Всеволод с легкостью управляет своими вассалами.

Вот для чего в рукопись об Игоровом походе был вписан этот репортаж с рассказом Святослава о его "мутном сне" и его "золотое слово со слезами смешанное", и даже тревожная весть о смертельно раненном Владимире Глебовиче — родном племяннике Всеволода. Последовавшее за всем этим обращение к Всеволоду — это отнюдь не поэтическая риторика, это решительный и, возможно, тогда очень рискованный политический шаг, вряд ли предпринятый лишь самим поэтом. За его спиной могла стоять целая политическая группировка, которая мыслила реалистично и понимала, что вывести Русскую землю из политического кризиса княжеских междоусобиц может только сильная власть одного князя. Именно такой фигурой и был тогда Великий князь Всеволод Юрьевич. Идея эта возникает в поэме настолько неожиданно и, вместе с тем, столь же однозначно и очевидно, что вся поэма начинает казаться лишь камуфлирующим фоном этого политического послания, направленного на осуществление огромной значимости для всей Русской земли политического замысла.

Попало ли это предложение, вписанное в рукопись поэмы, к самому Всеволоду? Точного ответа на этот вопрос мы пока не имеем.

Известно только, что в XVIII веке рукопись находилась в Спасо-Ярославском монастыре, который был основан в 1213 году, сразу после смерти Всеволода, его старшим сыном Константином Всеволодовичем. Кроме того, не будет ничего удивительного, если окажется, что и "Задонщина" в конце XIV века писалась в том же монастыре.

12. Песни войны

Принадлежность к воинскому сословию — ратник — и к сословию пахарей — ратай — обозначалась в Древней Руси почти одним и тем же словом. Воинское служение в жизни народа было занятием ничуть не менее важным, чем труд пахаря. Без этого служения мирный труд пахаря в те времена был просто невозможен. Во главе воинства стоял князь. Выполняя столь важную функцию в жизни общества, княжеская дружина представляла собой в веках сложившийся живой организм со своим устройством, иерархией, историческим опытом, навыками, культурой, традициями и т. д. Весь уклад воинской жизни того времени, постоянно наполненный огромным эмоциональным напряжением, риском, личными подвигами, удачью и отвагой, сильными впечатлениями от дальних походов, от побед и поражений, не мог не вызывать к жизни целый поток поэзии — песен, рассказов, воспоминаний, легенд, которые не только развлекали, но и передавали из поколения к поколению многолетний опыт, хранили историческую память. Нам хорошо известны целые пласты такой воинской поэзии, рожденные Великой Отечественной войной, войной 1812 года, целая стихия казачьих песен. Военно-исторических песен было много, и они были всегда, но далеко не все были записаны. Двухстрочное мнение о том, что "Слово о полку Игоре" — это одинокая скала в степи древнерусской литературы, опровергается самим "Словом". Во-первых, в нем упоминается много исторических имен, а за ними явно стоят события, о которых известно через песни, повести, рассказы об этих героях: Старый Ярослав, Храбрый Мстислав, Красный Роман, юноша князь Ростислав, Борис Вячеславич, Святополк, Старый Владимир, Ярослав Осмомысл, Шарукань, Кобяк и многие другие. Исследователи привыкли говорить и писать о широких исторических познаниях автора "Слова о полку Игоре". И это, безусловно, так. Но вряд ли поэт получал эти познания через книжное чтение. При кня-

жеских дворах постоянно, и может быть, веками, звучали песни, предания, повести, рассказы о событиях, происходивших и происходящих по всей Русской земле. Само “Слово о полку Игореве” – это ведь не только рассказ о походе Игоря, это целый букет самостоятельных рассказов-песен. Чего стоит, например, рассказ о трагическом одиночестве на поле брани юного князя Изяслава Васильковича, который, так и не дождавшись помощи от кровных братьев своих, от родной крови, ни от Брянчислава, ни от Всеволода, произносит трогательные прощальные слова, обращенные к собственной крови, пролитой на “кровавую траву”: “Дружину твою, княже, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали”. Эта виртуозная, еле уловимая поэтическая игра смыслами – и есть неповторимый, ни с чем не сравнимый стиль блестящего древнего поэта Ходыны. “Слово” буквально наполнено подобными блестящими поэтического остроумия, изысканной воинской лексики, которые предстоит еще извлекать из трудного текста, как крупницы золота.

Однажды русское общество взяло некий культурно-амбициозный кредит, назвав свою древнюю поэму “золотым словом русской литературы”. Сегодня надо посмотреть правде в глаза и признать, что за двести лет “золото” это никак не может заблестеть своим полным, истинным блеском, вплоть до того, что кто-то, по сей день, имеет основания подозревать в нем фальшивый сплав. Да, за двести лет некая псевдонаука замылила, залакировала, засорила, умертвила восприятие этого поистине диковинного поэтического шедевра. Но пришло время погашать культурные долги, избавляться от двухвековых блужданий. Пришло время с удивлением обнаружить, что “Слово земли Русской” не только золотое, но живое, духовно дышащее, что в нем по сей день бьется пульс непреходящей, немеркнувшей, неисчерпаемой жизни, любви и поэзии.